

Спор в публицистике Достоевского: дискурс или инструмент коммуникации?

Георгий С. Прохоров

*Государственный социально-гуманитарный университет,
Коломна, Россия, hoshea.prokhorov@gmail.com*

Аннотация. Полифоническая поэтика Достоевского наполняет его произведения диалогами, полемикой, различными *qui pro quo*, одним словом – спором. Между тем с античных времен спор как речевой жанр связан с риторикой – с применением в политике, суде, обучении. Он – риторический инструмент, позволяющий сравнить и оценить силу различных утверждений. Однако он же – дискурс, речевое следствие пребывания нескольких лиц в ситуации речевого противостояния. В статье мы обращаемся к ряду фрагментов «Дневника Писателя» Достоевского – «Среда», «Парадоксалист» и «Piccola Bestia» – и на их основе проясняем функцию спора в публицистике писателя. Мы вскрываем последовательно присущий письму Достоевского антириторизм. Герои вступают в полемику, выдвигают аргументы, которые являют всё большую искусственность и натянутость утверждаемых в споре позиций. Полемизирующие замолкают, но победа не присуждается никому. Кажущийся победителем в споре занимает точку зрения, противоречащую представлениям об универсальных ценностях. Достоевский демонстрирует отношение к риторике, сходное с отношением Платона и его школы. Риторика способна увлечь, но она всегда лжива. Спор предстает процессом, дискурсом, но только не средством отыскания истины.

Ключевые слова: Достоевский, публицистика, риторика, аргумент, спор, антириторизм

Для цитирования: Прохоров Г.С. Спор в публицистике Достоевского: дискурс или инструмент коммуникации? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 45–58. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-45-58

Debates in Dostoevsky's Journalism. Discourse or a Tool for Communication?

Georgii S. Prokhorov

*State University of Social Studies and Humanities, Kolomna, Russia,
hoshea.prokhorov@gmail.com*

Abstract. Due to the polyphonic nature of Dostoevsky's poetics his works are full of dialogues, arguments, *qui pro quo* scenes, i.e. debates of all sorts. Meanwhile, since Antiquity, the dispute as a speech genre has been associated with rhetoric – being used in politics, courts, education, etc. Debates are a rhetoric tool for the comparison and evaluation of controversial statements. At the same time, it is a discursive practice used by several persons in the speech quarrellings. The article refers to some episodes from Dostoevsky's *A Writer's Diary* – “The Environment”, “A Paradoxalist”, and “A Piccola Bestia” – to explore the role of debates in Dostoevsky's journalism. What it traces there is Dostoevsky's bold anti-rhetoric stance which forms his manner of writing. His protagonists polemicize, make arguments that are becoming increasingly artificial and tense in the positions being approved in the dispute. The polemicists fall silent, but victory is not awarded to anyone. The seeming a winner in a dispute, takes a point of view that contradicts the concept of universal values.

Dostoevsky demonstrates an attitude to rhetoric similar to that of Plato and his school. Rhetoric can captivate, but it is always false. The debate is a process, a discourse, but not a means of finding the truth.

Keywords: Dostoevsky, journalism, rhetoric, reason, debate, anti-rhetoric

For citation: Prokhorov, G.S. (2020), “Debates in Dostoevsky's Journalism: Discourse or a Tool for Communication?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 45–58, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-45-58

«Идея, как предмет изображения, занимает громадное место в творчестве Достоевского, но все же не она героиня его романов. Его героем был человек и изображал он в конце концов не идею в человеке, а, говоря его собственными словами, – “человека в человеке”. Идея же была для него или пробным камнем для испытания человека в человеке, или формой его обнаружения, или, наконец, – и это главное – тем *medium*’ом, той средою, в которой раскрывается человеческое сознание в своей глубочайшей сущности» [Бахтин 2000, с. 40].

Действительно, Достоевский идею не изображает – о ней говорят и спорят. Алеша и Иван Карамазовы:

[Иван Карамазов] Но вот, однако, одна меня сильно заинтересовавшая картинка. Представь: грудной младенец на руках трепещущей матери, кругом вошедшие турки. У них затеялась веселая штука: они ласкают младенца, смеются, чтоб его рассмешить, им удастся <...> и вдруг артист спускает курок прямо ему в лицо и раздробляет ему головку.

– Брат, к чему это всё? – спросил Алеша

– Я думаю, что если дьявол не существует и стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию.

– В таком случае, равно как и бога.

– А ты удивительно как умеешь оборачивать словечки, как говорит Полоний в «Гамлете», – засмеялся Иван. – Ты поймал меня на слове, пусть, я рад. Хорош же твой бог, коль его создал человек по образу своему и подобию»¹ (XIV, с. 217–218).

Иван и черт (XV, с. 71–84). Инквизитор с Иисусом (XIV, с. 229–237). Даже покойники в «Бобке»:

– Ох-хо-хо-хо! – слышался совсем уже новый голос, саженьях в пяти от генеральского места и уже совсем из-под свежей могилки, – голос мужской и престонародный, но расслабленный на благоговейно-умиленный манер. <...>.

– Ах, опять он икает! – раздался вдруг брезгливый и высокомерный голос раздраженной дамы, как бы высшего света. – Наказание мне подле этого лавочника!

– Ничего я не икал, да и пищи не принимал, а одно лишь это мое естество. И все-то вы, барыня, от ваших здешних капризов никак не можете успокоиться.

– Так зачем вы сюда легли?

– Положили меня, положили супруга и малые детки, а не сам я возлег. Смерти таинство! И не лег бы я подле вас ни за что (XXI, с. 45).

Мир в произведениях Достоевского предстает соположением различных взглядов, ракурсов и точек зрения. И в этом плане обращение писателя к «речевому жанру» [Бахтин 1997, с. 170–175] спора более чем естественно. Спор – не только дискурс, но и со времен глубокой древности риторическое явление с весьма конкретным инвариантом. Позиции спорящих заостряются, приводятся аргументы и контраргументы, так что «жюри» обретает возмож-

¹ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее тексты Достоевского приводятся по этому изданию с указанием номера тома и страниц в круглых скобках после цитаты.

ность сравнить их и выбрать победившую сторону [Herrick 2001, с. 34–36].

Так спор изображался еще в баснях Эзоповского свода:

Лисица потеряла хвост в какой-то западне и рассудила, что с таким позором жить ей невозможно. <...> Собрала она всех лисиц и стала их убеждать отрубить себе хвосты: во-первых, потому что они некрасивые, а во-вторых, потому что это только лишняя тяжесть. Но одна из лисиц на это ответила: «Эх ты! не дала бы ты нам такого совета, не будь тебе самой это выгодно»².

Спор – одновременно и дикурс, и риторический инструмент, наполненный прагматичными целями. А как у Достоевского?

«Среда»: спор в социальной публицистике Достоевского

Фрагмент начинается вполне тривиально для журналистики [Тертычный 2000, с. 14–17] – с указания автора на актуальную общественную ситуацию, вызвавшую его интерес. Вопреки ожиданиям от Судебной реформы, вчерашние крепостные так и не превратились в ответственных присяжных:

Мне в мечтаниях мерещились заседания, где почти сплошь будут заседать, например, крестьяне, <...> наши мужички будут сидеть и про себя помалчивать: «Вон оно как теперь, захочу, значит, оправдаю, не захочу – в самой Сибири». <...>. И вот, однако же, замечательно теперь, что они не карают, а сплошь оправдывают (XXI, с. 13).

Причем речь не идет о спорных случаях со слабой доказательной базой:

там оправдали жену, убившую мужа. Преступление явное, доказанное; она сознается сама: «Нет, не виновна». Там молодой человек разламывает кассу и крадет деньги. «Влюблен, дескать, очень было надо было денег добыть, любовнице угодить». – «Нет, не виновен» (XXI, с. 19).

Речь не идет о ничтожных по своей тяжести преступлениях:

Мужик забивает жену, увечит ее долгие годы, ругается над нею хуже, чем над собакой. В отчаянии решившись на самоубийство, идет

² Эзоп. Басни / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Эксмо-Пресс, 1999. С. 143.

она почти обезумевшая в свой деревенский суд. Там отпускают ее, промямлив ей равнодушно: «Живите согласнее» (XXI, с. 20).

Преступление досконально распутано и на кону пресловуто мягкого судебного решения – жизнь невинного постороннего человека, жизнь жертвы преступления: «Заметьте, что девочка свидетельствовала против отца. Она рассказала всё и исторгла, говорят, слезы присутствующих. Если бы не “снисхождение” присяжных, то его сослали бы на поселение в Сибирь. Но с “снисхождением” ему только восемь месяцев пробыть в остроге, а там воротится домой и потребует к себе свидетельствовавшую против него за мать девочку. Будет кого опять за ноги вешать». (XXI, с. 22).

Чтобы прояснить суть такого несоответствия ожиданий и реальности, Достоевский – и это опять-таки коррелирует с нормами журналистского жанра [Тертычный 2000, с. 119–124] – начинает с обзора обозначившихся точек зрения. Вероятно, что присяжными движет простая жалость: «“Просто жаль губить чужую судьбу; человеки тоже”. Русский народ жалостлив». Точка зрения может показаться убедительной – «догадка недурная» (XXI, с. 13), – однако ее убедительность, по мнению Публициста, весьма условна: «я, однако же, всегда думал, что в Англии, например, народ тоже жалостлив...» (XXI, с. 13).

Комментарий по поводу сложившейся вокруг судов присяжных ситуации; спор с оппонентами, близкими и дальними, здесь, конечно, присутствуют – фрагмент перекликается с дискуссией, которую вели «Голос», «Русский мир», «С.-Петербургские ведомости», «Отечественные записки», «Неделя», Московские ведомости»... (см.: XXI, с. 387–388). Впрочем, здесь скорее не сам спор, но миметическое изображение такового:

Даже хоть и предположить, – слышится мне голос, – что крепкие-то ваши основы (то есть христианские) всё те же и что вправду надо быть прежде всего гражданином <...> подумайте, откуда у нас взяться гражданам-то? – «Конечно, есть правда в вашем замечании, – отвечаю я голосу, несколько повеса нос...» – «Русский народ? Позвольте, – слышится мне другой голос, – вот, говорят, что дары-то с горы скатились и его придавили» [XXI, с. 14].

Кто эти говорящие? – оппоненты из противоположного лагеря? из какого именно? кто именно? внутренние голоса – «отечаю я голосу» – самого размышляющего Достоевского? «...[И]з каждого противоречия внутри одного человека Достоевский стремится

сделать двух людей, чтобы драматизировать это противоречие и развернуть его экстенсивно» [Бахтин 2000, с. 37]. На Публициста буквально набрасываются голоса, остающиеся неперсонифицированными. Вся их речевая деятельность связана с разрушением и выражением скепсиса по отношению к любой утверждаемой точке зрения. Полемика выглядит всё острее:

«Ну, вы, однако же, – слышится мне чей-то язвительный голос, – вы, кажется, народу новейшую философию среды навязываете, это как же она к нему залетела?»

– Конечно, конечно, где же им до «среды», то есть сплошь-то всем, – задумываюсь я, – но ведь идеи, однако же, носятся в воздухе, в идее есть нечто проникающее...

– Вот на! – хохочет язвительный голос.

– А что, если наш народ особенно склонен к учению о среде, даже по существу своему, по своим, положим, хоть славянским наклонностям? Что, если именно он-то и есть наилучший материал в Европе для иных пропагаторов?» (XXI, с. 16).

Однако поддерживающие спор допущения множатся без необходимости: «А что, если наш народ особенно склонен к учению о среде, даже по существу своему, по своим, положим, хоть славянским наклонностям?» Допущение на допущении, а потому задача реплик не убедить кого-либо, не привести более сильный аргумент, но продлить нахождение спорящих в ситуации спора. Искусственность такой позиции вполне зрима – «Язвительный голос хохочет еще громче, но как-то выделанно» (XXI, с. 16). Смех раздается, оппонировавший голос замолчал, но... кто победил и кто проиграл? – не сказано. Потому что в мире Достоевского единого, в том числе одной истины, не существует, во всяком случае в изображенном плане. «...[Т]а “правда”, к которой должен притти и, наконец, приходит герой <...> может быть только правдой собственного сознания. Она не может быть нейтральной к самосознанию. В устах другого содержательно то же самое слово, то же определение приобрело бы иной смысл, иной тон и уже не было бы правдой» [Бахтин 2000, с. 52].

В споре растет градус полемики, формируется агон, за которым... просто распадается коммуникативный континуум между спорящими. Развязка с обретением нового и эксплицитно выраженного смысла не наступает. Течение процесса многократно важнее достижения конечного результата [ср.: Сидоров 1924, с. 115–116].

«Парадоксалист»: спор на границе публицистики и художественной прозы

«Парадоксалист» – один из самых специфичных фрагментов «Дневника Писателя» и журналистики Достоевского в целом. Присутствие в нем персонажа – черта общепризнанная [Туниманов 1965, с. 94; Щурова 2005, с. 95]. Также как общепризнанно, что в журналистике – даже художественной – выдуманным авторами персонам не место [Sims 1995, с. 11; Kramer 1995, с. 23–25].

В композиционном плане – перед нами стилизованное интервью, написанное в форме спора между Публицистом и неким «его другом», функционирующим под «ником» Парадоксалист, – «человек[ом] совершенно никому не известн[м] и характер[ом] страны[м]: он мечтатель» (XXII, с. 122)). *Мечтатель* – тип персонажа в художественной прозе Достоевского, идущий еще от его самых ранних фельетонов [Нечаева 1922, с. 17–21]. Иначе говоря, Достоевский как бы представляет трибуну для прямого высказывания на злободневную тематику эмпирического мира одному из героев своих романов.

На пороге скатывания в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., Парадоксалист предстает воодушевленным защитником войн, их желательности и необходимости для развития обществ и даже для хорошего самочувствия социума:

– Дикая мысль, – говорил он, между прочим, – что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь.

– Помилуйте, народ идет на народ, люди идут убивать друг друга, что тут необходимого?

– Всё и в высшей степени. Но, во-первых, ложь, что люди идут убивать друг друга: никогда этого не бывает на первом плане, а, напротив, идут жертвовать собственной жизнью (XXII, с. 122–123).

Начальные позиции Парадоксалиста кажутся крайне слабыми – собственно, его характеристики, «мечтатель», «парадоксалист», как бы акцентируют эту экстравагантность спорящей фигуры. Однако в нашем фрагменте находится спорщик слабее. И парадоксально для жанра³... в случае публицистики Достоевского это сам Публицист:

– Но наука, искусства – разве в продолжение войны они могут развиваться: а это великие и великодушные идеи.

³ Ср.: Герцен А.И. Былое и Думы // Собрание соч.: В 30 т. Т. 8. М.: АН СССР, 1956. 526 с.

– Тут-то я вас и ловлю. Наука и искусства именно развиваются всегда в первый период после войны. Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок. Напротив, в долгий мир и наука глохнет.

<...>

– Как соединяет народы?

– Заставляя их взаимно уважать друг друга. Война освежает людей. Человеколюбие всего более развивается лишь на поле битвы. Это даже странный факт, что война менее обозляет, чем мир (XXII, с. 124–125).

Высказывания Парадоксалиста в ходе спора несколько не приближаются к тем, что человечество считает за правильные, социально одобряемые, моральные и этические. Его суждения на всем протяжении остаются парадоксальными (да и какими они могут быть при «говорящем имени» персоны). Однако из-за слабости Публициста как полемиста утверждения Парадоксалиста шаг за шагом становятся все более перевешивающими. Риторически Парадоксалист выигрывает безнадежный спор. Хотя с каждым новым выигрышем он всё дальше уходит от общечеловеческих представлений о добре и зле.

Так что когда Публицист просто берет и, пользуясь авторскими полномочиями, переворачивает доску: «Я, конечно, перестал спорить. С мечтателями спорить нельзя» [XXII, с. 126], то мы, читатели, вряд ли не разделяем его жест. Особенно если принять во внимание сюжетное значение героя-мечтателя – образа, который, по мысли Веры Нечаевой, символизирует экстравагантность и изолированность от социума – «...обволакивается какой-то безнадежной тихой грустью, точно никакого возврата для человека, вступившего на этот путь, не может быть» [Нечаева 1922, с. 17].

Изображенный спор демонстрирует ситуацию, в которой было бы лучше, чтобы спор и не начинался – «Но есть, однако же, странный факт: теперь начинают спорить и поднимают рассуждения о таких вещах, которые, казалось бы, давным-давно решены и сданы в архив» (XXII, с. 126).

«Piccola bestia»: спор на политическую тему

Политика – еще одна область, в которой без спора не обойтись, и в которой спор, собственно говоря, зародился как предмет риторики и литературного отображения [Herrick 2001, с. 32–34; Kennedy 1999, с. 20–26].

Фрагмент строится на сопоставлении Восточного вопроса в Европе 1870-х гг. с ядовитым тарантулом, забежавшим в дом, укусившим живущих в нем и испортившим жизнь европейцам (XXIII, с. 106–108). Если в ранее рассмотренных фрагментах спор и спорящие находились в изображенном центре, то здесь сама ситуация спора не изображена; спор здесь уже пересказываемый и излагаемый от третьего лица. Но конфликтующие точки зрения остаются осязаемыми. Один из доминирующих ракурсов отведен Британии и ее премьер-министру Бенджамину Дизраэли. В «Дневнике писателя» воссозданный писателем *Дизраэли* обосновывает необходимость сдерживания Российской империи и поддержки империи Османской социалистическими взглядами едущих в Сербию русских добровольцев: «И вот виконт Биконсфильд, урожденный Израиль (né d'Israeli), в речи своей на одном банкете вдруг открывает Европе одну чрезвычайную тайну: все эти русские, с Черняевым во главе, бросившиеся в Турцию спасать славян, – все это лишь русские социалисты, коммунисты и коммунары...» (XXIII, с. 108). Доказательств, впрочем, у изображенного Достоевским *Дизраэли* нет; все, на что он может сослаться, это на свой авторитет премьер-министра: «Мне-то вы можете поверить, ведь я Биконсфильд, премьер, как называют меня в русских газетах, для приданья статьям их важности: я первый министр, у меня секретные документы, стало быть, знаю лучше, чем вы, я очень многое знаю» (XXIII, с. 108–109).

Знаю, но не называю или *и не могу назвать, ибо не знаю* – нам не дано. Перед нами – риторика в ее чистоте, существующая для убеждения любой ценой. Главное для *Дизраэли* Достоевского – выглядеть эффектно, выиграть парламентское столкновение с оппозицией. Словесную дуэль он выигрывает. Но победа в словесном поединке в Вестминстере несколько не отменяет реальность на земле, в Болгарии. Этнические чистки – факт (XXIII, с. 110). Тяжесть которого – по Достоевскому – не может не чувствовать и сам премьер-министр:

А ведь ему семьдесят лет, ведь скоро в землю – и сам это знает <...>. «Что же, – подумает Биконсфильд, – эти черные трупы на этих крестах... гм... оно, конечно... А впрочем, государство не частное лицо; ему нельзя из чувствительности жертвовать своими интересами, тем более, что в политических делах самое великодушное никогда не бывает бескорыстное». «Удивительно, какие прекрасные бывают изречения, – думает Биконсфильд, – освежающие даже, и главное, так складно...» (XXIII, с. 110–111).

Воссозданный Достоевским *Дизраэли* приносит факты и правду в жертву сиюминутной прагматической целесообразности, прикрываясь красивыми фразами. Но только ли один он так делает в нашем фрагменте? Ему вторит Публицист:

Гм, ну, и что же такое эти два священника? Попа? По-ихнему, это попы, les popes. Вольно же было подвергиваться; ну, спрятались бы там куда-нибудь... под диван... Mais, avec votre permission, messieurs les deux crucifiés, вы мне нестерпимо надоели с вашим глупым приключением, et je vous souhaite la bonne nuit à tous les deux (XXIII, с. 111).

Биографический *Дизраэли* вряд ли мыслит по-французски, ибо французский язык для Великобритании XIX века нехарактерен, – и Достоевский знал об отношении в Англии его времени к французскому языку на собственном опыте (V, с. 71). Публицист обещает нам, что приведет точную цитату из речи *Дизраэли* (XXIII, с. 110). Но далее, вопреки обещанию, следует что угодно, но не цитата из речи: «Россия, конечно, рада была сбыть эти разрушительные свои элементы в Сербию, хотя упустила из вида, что они там сплотятся, срastутся, сговорятся, получают организацию, dorастут до силы». Голословная недружественность фразы многократно усилена комментарием Публициста: «напирает Биконсфильд, грозя английским фермерам будущим социализмом России и Востока». Впрочем, комментария оказывается недостаточно – и Достоевский наполняет сознание *Дизраэли* «своим» материалом: «Заметят и в России эту мою инсинуационную фразу о социализме, – тут же думает он, конечно, про себя, – надо и Россию пугнуть» (XXIII, с. 110).

Идеологический спор замещается креативным изображением, в центре которого – фигура *Дизраэли*, частью повторяющая изречения настоящего премьер-министра Великобритании, но сплошь подчиняющаяся интенции Достоевского. *Дизраэли* «жертвует» болгарам. Публицист – исторической и политической точностью. Ничего личного – просто возможности риторики. Публицист, очевидно, осознает, что сравнивать человека с тарантулом в общем-то нехорошо: «Кстати, когда я, несколько строк выше, писал о таинственной *piccola bestia*, мне вдруг подумалось: ну что если читатель вообразит, что я хочу в этой аллегории изобразить виконта Биконсфильда? Но уверяю, что нет...» (XXIII, с. 110). Но уж больно такое сравнение суггестивно: как не выписать себе «индальгенцию»: «уверяю, что нет <...> хотя надо признаться, что на *piccola bestia* он очень похож <...>. Паук, паук, *piccola bestia*; действительно, ужасно похож; действительно, маленькая мохнатая *bestia*!» (XXIII, с. 110).

У риторической победы оказываются реальные и посторонние пострадавшие. От слов Дизраэли – это славянское население Балкан. От слов Публициста – Достоевский ведет опасную игру с намеком на этничность Дизраэли: «И вот виконт Биконсфильд, урожденный Израиль (né d'Israëli)...». Этот риторический ход с педантированием еврейскости Дизраэли и с вытекающим из него обвинением евреев в балканской резне вызвал известное возмущение у Аркадия Ковнера, писавшего Достоевскому: «Ваша ненависть к “жиду” простирается даже на Дизраэли, который, вероятно, сам не знает, что его предки были когда-то испанскими евреями и который уже конечно не руководит консервативной политикой с точки зрения “жида”» [Гроссман 2000, с. 119].

Но... слово и дело у Достоевского разведены – и ответственность за преступление Раскольникова, например, нисколько не ложится на плечи офицера и студента, чей разговор о справедливости убийства старухи Раскольников подслушал (VI, с. 53–55). К провокативному потенциалу слова Достоевский последовательно нечувствителен.

Заключение

Антириторизм свойственен Достоевскому:

– Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

– Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

– А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости! Пойдем еще партию! (VI, с. 55)

Антириторизм проникает даже во внешне риторические произведения – публицистику. Используя с регулярностью элементы риторики, в своем скепсисе Достоевский как бы сближается с Платоном: риторика может быть увлекающей; риторика может помочь выиграть выборы; риторика может помочь «раздавить» оппозицию; риторика может помочь отогнать от себя плохие мысли и найти всегда и во всем оправдание. Но она не способна приблизить к миру-как-он-есть; еще менее – разрешить имеющиеся проблемы. Только отвлечь. Подобное отвлечение может выглядеть эффективным в моменте – даже остроумным, но не более.

Если лжива риторика и присущий ей подход к миру, то спор в качестве метода отыскания истины бесплоден. Спор лишь сло-

весный пинг-понг и игрушка для парадоксалистов всех мастей и калибров. Спор – просто спор. Истину же человек постоянно носит внутри себя – даже если пытается заглушить ее голос. (Вообще в русском консерватизме скепсис по поводу конвенциональности права и, соответственно, риторики играл конституирующую роль [Кистяковский 1991, с. 122–131; Поспеловский 2003, с. 121–122].)

Вот почему спор Достоевского знает только эскалацию. К решению он не при-х/в-одит. Спор у Достоевского – это чистый дискурс, длящееся высказывание, но никогда не эффективный инструмент коммуникации, ведущий к уяснению истины.

Литература

- Бахтин 1997 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206.
- Бахтин 2000 – *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 7–175.
- Гроссман 2000 – *Гроссман Л.* Исповедь одного еврея. М.: Деконт+; Подкова, 2000. 192 с.
- Кистяковский 1991 – *Кистяковский Б.А.* В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 122–149.
- Нечаева 1922 – *Нечаева В.С.* Предисловие // Достоевский Ф.М. Петербургская летопись: Четыре статьи 1847 г. (Из неизданных произведений). Пб.; Берлин: Эпоха, 1922. С. 7–23.
- Поспеловский 2003 – *Поспеловский Д.В.* Тоталитаризм и вероисповедание. М.: ББИ, 2003. 660 с.
- Сидоров 1924 – *Сидоров В.А.* О «Дневнике Писателя» // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 111–116.
- Тертычный 2000 – *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
- Туниманов 1965 – *Туниманов В.А.* Художественные произведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965.
- Щурова 2005 – *Щурова В.В.* «Дневник Писателя» Ф.М. Достоевского. Типология, жанр, антропология: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
- Herrick 2001 – *Herrick J.* The History and Theory of Rhetoric: An Introduction. Boston: Allyn&Bacon, 2001. 304 с.
- Kennedy 1999 – *Kennedy G.* Classical Rhetorics & Its Christian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hill: North Carolina UP, 1999. 349 с.
- Kramer 1995 – *Kramer M.* Breakable Rules for Literary Journalists // Literary Journalism. N.Y.: Ballantine books, 1995. С. 21–34.

Sims 1995 – Sims N. The Art of Literary Journalism // Sims N. & Kramer M. (Eds.) Literary Journalism. NY: Ballantine books, 1995. C. 3–19.

References

- Bakhtin, M.M. (1997), “The issue of speech genres”, Bakhtin, M.M., *Sobranie sochine-nii v 7 t.* [Collection of works in 7 vols.], vol. 5, Russkie slovari, Moscow, Russia, pp. 159–206.
- Bakhtin, M.M. (2000), “Issues of Dostoevsky’s creative art”, Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii v 7 t.* [Collection of works in 7 vols. v. 5], vol. 2, Russkie slovari, Moscow, Russia, pp. 7–175.
- Grossman, L. (2000), *Ispoved’ odnogo evreya* [Confession of a Jew], Dekont+ / Podkova, Moscow, Russia.
- Herrick, J. (2001), *The History and Theory of Rhetoric: An Introduction*, Allyn&Bacon, Boston, MA, USA.
- Kennedy, G. (1999), *Classical Rhetorics & Its Christian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times*, North Carolina UP, Chapel Hill, NC.
- Kistyakovskii, B.A. (1991), “In defense of law (Intelligentsia and feeling for law and order)”, *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth], Pravda, Moscow, Russia, pp. 122–149.
- Kramer, M. (1995), “Breakable Rules for Literary Journalists”, Sims, N. and Kramer, M. (eds.), *Literary Journalism*, Ballantine books, New York, USA, pp. 21–34.
- Nechaeva, V.S. (1922), “Predislovie” [Introduction], Dostoevskii, F.M., *Peterburgskaya letopis’: Chetyre stat’i 1847 g. (Iz neizdannykh proizvedenii)* [The Petersburg chronicle. Four articles from 1847 (From unpublished works)], Epokha, Peterburg / Berlin, pp. 7–23.
- Pospelovskii, D.V. (2003), *Totalitarizm i veroispovedanie* [Totalitarianism and Faith], BBI, Moscow, Russia.
- Sidorov, V.A. (1924), “O *Dnevnikе Pisatelya*” [On A Writer’s Diary], Dolinin, A.S. (ed.) *F.M. Dostoevskii: Issledovaniya i materialy*. [F.M. Dostoevsky. Research and sources], vol. 2, Mysl’, Leningrad / Moscow, pp. 111–116.
- Sims, N. (1995), “The Art of Literary Journalism”, Sims, N. and Kramer, M. (eds.), *Literary Journalism*, Ballantine books, New York, USA, pp. 3–19.
- Tertychnyi, A.A. (2000), *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of the periodicals], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Tunimanov, V.A. (1965), *Khudozhestvennye proizvedeniya v «Dnevnikе Pisatelya» F.M. Dostoevskogo* [Pieces of fiction in A Writer’s Diary by F.M. Dostoevsky], Ph.D. Thesis, IRLI, Leningrad, USSR.
- Shchurova, V.V. (2005), *«Dnevnik Pisatelya» F.M. Dostoevskogo. Tipologiya, zhanr, antropologiya* [A Writer’s Diary by F.M. Dostoevsky. Typology. Genre. Anthropology], Ph.D. Thesis, Voronezh University, Voronezh, Russia.

Информация об авторе

Георгий С. Прохоров, доктор филологических наук, доцент, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия; 140410, Россия, г. Коломна Московской области, ул. Зеленая, д. 30; hoshea.prokhorov@gmail.com

Information about the author

Georgii S. Prokhorov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, State University of Social Studies and Humanities, Kolomna, Russia; bld. 30, Zeleonaya Str., Kolomna, Moscow Region, Russia, 140410; hoshea.prokhorov@gmail.com